

УДК 304.5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СТАНОВЛЕНИЯ В.И. ЛЕНИНА КАК ФИЛОСОФА: ВЗГЛЯД И КОНЦЕПЦИЯ Н.К. КРУПСКОЙ

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

д. филос. н., профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
г. Екатеринбург

Аннотация: Поскольку К. Маркс пришел к марксизму через философию, через борьбу с идеализмом, а Г.В. Плеханов в свое время уделил вопросу обоснования материалистического мировоззрения громадное внимание, то и В.И. Ленин изучал их работы и труды противников марксизма, и он усиленно занимался философией еще в ссылке. В.И. Ленин в эмиграции в годы реакции учитывал опасность философской ревизии марксизма. Характеристика первой русской революции дается им в интеллектуальной консультации с Ф. Энгельсом с точки зрения диалектического материализма как борьба живых общественных сил, поставленных в объективные условия. Поскольку в большевистской фракции надвигался раскол по философской линии, надо было выбирать позицию в борьбе с попыткой ревизии материалистического мировоззрения. И несмотря на то, что В.И. Ленин в этой борьбе понимал себя «рядовым марксистом» в философии, история поставила все на свои места. Ленин оказался не только политиком, но и философом, причем, великим философом материалистической и диалектической традиции в философии.

Ключевые слова: Марксизм, философия, идеализм, эмиграция, философская ревизия, диалектический материализм, раскол, материалистическое мировоззрение, рядовой марксист, революция.

ISTORICAL CIRCUMSTANCES OF THE FORMATION OF V.I. LENIN AS A PHILOSOPHER: THE VIEW AND CONCEPT OF N.K. KRUPSKAYA

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Annotation. Since K. Marx came to Marxism through philosophy, through the struggle against idealism, and G.V. Plekhanov at one time paid great attention to the issue of substantiating the materialist worldview, then V.I. Lenin studied their works and the works of opponents of Marxism, and he intensively studied philosophy while still in exile. V.I. Lenin in emigration during the years of reaction took into account the danger of a philosophical revision of Marxism. The characteristic of the first Russian revolution is given by him in intellectual consultation with F. Engels from the point of view of dialectical materialism as a struggle of living social forces placed in objective conditions. Since a split along the philosophical line was looming in the Bolshevik faction, it was necessary to choose a position in the fight against the attempt to revise the materialist worldview. And despite the fact, that V.I. Lenin understood himself to be an "ordinary Marxist" in philosophy in this struggle, history put everything in its place. Lenin turned out to be not only a politician, but also a philosopher, moreover, a great philosopher of the materialistic and dialectical tradition in philosophy.

Keywords: Marxism, philosophy, idealism, emigration, philosophical revision, dialectical materialism, split, materialistic worldview, ordinary Marxist, revolution.

Супруга В.И. Ленина, Н.К. Крупская писала в «Воспоминаниях о Ленине» в начале главы «Вторая эмиграция» о времени, когда большевики были вынуждены заниматься философией и уточнять философские позиции в политической борьбе. Она уточняла, что «Вторая эмиграция распадается на три периода: первый период (1908 – 1911 гг.) был годами, когда в России царил саман бешеная реакция. Царское правительство жестоко расправлялось с революционерами. Тюрьмы были переполнены, в них царил самый каторжный режим, происходили постоянные избиения, смертные приговоры следовали один за другим. Нелегальные организации вынуждены были уйти в глубокое подполье. Это плохо удавалось. За время революции состав партии стал иным: партия пополнилась кадрами, не знавшими до революционного подполья и не привыкшими к конспирации. С другой стороны, царское правительство не жалело денег на организацию провокатуры. Вся система провокатуры была чрезвычайно продумана, разветвлена, окружала центральные органы партии. Информация у правительства была образцовая» [1, с. 136].

Понятно, что это были идеальные условия для идеологического наступления царского режима и идейного развала в рабочем движении и партии: «Параллельно с этим систематически преследовалась деятельность всяких легальных обществ, профессиональных союзов, печати. Правительство всеми силами стремилось отнять у рабочих масс завоеванные ими за годы революции права. Но вернуть старые времена было невозможно, революция для масс не прошла бесследно, и рабочая самостоятельность прорывалась вновь и вновь через каждую щель. Эти годы были годами величайшего идейного развала в среде социал-демократии. Стали делаться попытки пересмотра самых основ марксизма, возникли философские течения, пытавшиеся пошатнуть материалистическое мировоззрение, на котором зиждется весь марксизм. Действительность была мрачна. И вот стали делаться попытки найти выход в измышлении какой-то новой утонченной религии, философски обосновать ее. Во главе новой философской школы, открывавшей двери всякому богоискательству, богостроительству, стоял Богданов, к нему примыкали Луначарский, Назаров и др. Маркс пришел к марксизму через философию, через борьбу с идеализмом. Плеханов в свое время уделил вопросу обоснования материалистического мировоззрения громадное внимание» [1, с. 136-137].

Ленин изучал их работы, усиленно занимался философией еще в ссылке. Он не мог не учесть значения философской ревизии марксизма, ее удельный вес в годы реакции. И Ленин со всей резкостью выступал против Богданова и его школы. Богданов был противником не только на философском фронте. Он группировал около себя отзовистов и ультиматистов. Отзовисты говорили, что Государственная дума стала настолько реакционна, что надо отозвать социал-демократическую фракцию из Думы; ультиматисты считали, что надо предъявить ей ультиматум, чтобы она с думской трибуны выступала так, чтобы ее вышибли из Думы. Но существу дела разницы между отзовистами и ультиматистами не было...» [1, с. 137].

Вся жизнь во Второй эмиграции была борьбой: «Борьба за материалистическое мировоззрение, за связь с массами, за ленинскую тактику, борьба за партию происходила в условиях эмигрантской обстановки». Речь идет и втором периоде 1911—1914 гг. (годы подъема в России, третьем периоде 1914—1917 гг., который охватывает годы войны, когда резко переменялся весь характер эмигрантской жизни.

Нас интересует первый период, когда шло обсуждение уроков Первой русской революции. В воспоминаниях противостояние по вопросу уроков революции описано так: «Меньшевики осуждали Московское восстание 1905 г., они были против всего, что могло отпугнуть либеральную буржуазию. То, что буржуазная интеллигенция отхлынула от революции в момент ее поражения, они объясняли не ее классово-природой, а считали, что ее напутали большевики своими методами борьбы. Утверждение большевиков, что в момент подъема революционной борьбы допустима была экспроприация на революционные цели средств у экспроприирующих, резко осуждалось ими. Большевики, по их мнению, отпугнули либеральную буржуазию. Необходима была борьба с большевиками. В этой борьбе все средства были хороши» [1, с. 144-145]. Она пишет: «Владимир Ильич считал, что надо самым внимательным, тщательным образом изучать опыт революции, что этот опыт сослужит службу в дальнейшем. Он вцеплялся в каждого участника недавней борьбы, подолгу толковал с ним» [1, с. 146].

Он считал, что на русский рабочий класс легла задача: «На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отвлечься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

Сами рабочие стихийно ведут именно такую линию. Они слишком страстно переживали великую октябрьскую и декабрьскую борьбу. Они слишком явно видели изменение своего положения только в зависимости от этой непосредственно революционной борьбы. Они говорят теперь или, по крайней мере, чувствуют все, как тот ткач, который заявил в письме в свой профессиональный орган: фабриканты отобрали наши завоевания, подмастерья опять по-прежнему издеваются над нами, *погодите, придет опять 1905 год*» [2, с. 40].

Далее он писал: «Погодите, придет опять 1905 год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, *что делать*. Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это — «сумасшедший год», это образец того, *чего не делать*. Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более* успешно, чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной. Для контрреволюционного либерализма, ведущего за собой на поводу ренегатствующую интеллигенцию, усвоение опыта революции должно состоять в том, чтобы навсегда отделаться от «наивной» порывистости «дикий» массовой борьбы, заменив ее «культурной, цивилизованной» *конституционной* работой на почве столыпинского «конституционализма» [2, с. 40-41]. Это программа ремонта капитализма. Все программы такого типа – конституционализма напоминают либеральные соображения философа по образованию, бывшего секретаря РФ Г.Э. Бурбулиса о конституционализме и университете конституционализма. Это не соображения ломки строя.

Далее в статье «К оценке русской революции» ставится вопрос о позициях осмысления уроков революции: «Теперь все и каждый говорит об усвоении и критической проверке опыта революции. Говорят об этом социалисты и либералы. Говорят оппортунисты и революционные социал-демократы. Но не все понимают, что именно между двумя *указанными* противоположностями колеблются все многообразные рецепты усвоения революционного опыта. Не все ясно ставят вопрос, — опыт революционной ли борьбы должны мы усвоить и помочь массам усвоить для более выдержанной, упорной и более решительной борьбы, — или «опыт» кадетского предательства революции должны мы усваивать и передавать массам?» [2, с. 41].

И далее возникает позиция диалектического материализма в оценке революции (!). С этих марксистских позиций делается вывод: «Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка *технической* стороны борьбы, технических вопросов ее. Признать определенную форму борьбы и не признавать необходимость учиться ее технике, — это все равно, как если бы мы признали нужным участвовать в *данных* выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику *этих* выборов» [2, с. 43].

Сравнивая Россию с Германией в оценке К. Каутского, он дает диалектико-материалистическое понимание характера революции и ее движущих сил: «Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый* характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в *такой* революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одер-

живающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [2, с. 44].

Характеристика революции дается в интеллектуальной консультации с Ф. Энгельсом: «Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма от утопии к науке», переведенное самим Энгельсом на немецкий язык в «Neue Zeit», 1892-1893, год XI, том 1)» [2, с. 46].

В сущности, в воображаемом диалоге с Ф. Энгельсом дается ленинский ответ на эту марксистскую постановку вопроса: «Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести значительно дальше ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания. Можно судить поэтому, с каким презрением отнесся бы Энгельс к мещанским рецептам заранее втиснуть революцию только в непосредственно-буржуазные, узкобуржуазные рамки «чтобы не отшатнулась буржуазия», как говорили кавказские меньшевики в своей резолюции 1905 года, или чтобы была «гарантия от реставрации», как говорил в Стокгольме Плеханов!» [2, с. 47].

Далее возникает знаменитая плехановская характеристика восстания: «Декабрьская борьба 1905 года доказала, что вооруженное восстание может победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считаться с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта нашей революции, — вот какие уроки должны быть усвоены самыми широкими массами. Как далеки эти выводы и эти уроки от той линии рассуждений, которую дал Плеханов своим геростратовски-знаменитым отзывом о декабрьском восстании: «не надо было братья за оружие» [2, с. 48]. Настолько было знаменито это выражение, что оно в чистом виде попало в поэму В.В. Маяковского: «Сам заскулил товарищ Плеханов: — Ваша вина, запутали, братцы! Вот и пустили крови лохани! Нечего зря за оружие братья» [3].

В оценке Плеханова нет ни грана исторической правды. В статье уточняется: «Если Маркс, за полгода до Коммуны сказавший, что восстание будет безумием, сумел дать тем не менее оценку этого «безумия» как величайшего массового движения пролетариата XIX века, то в тысячу раз с большим правом русские социал-демократы должны нести теперь в массы убеждение в том, что декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны. Рабочий класс России будет воспитываться именно в таких взглядах, — что бы ни говорили, как бы ни плакались те или иные интеллигенты в социал-демократии» [2, с. 48-49].

Для кого писалась эта статья? Ответ таков, и он неожиданный: «статья эта пишется для польских товарищей...» [2, с. 49]. «Разве традиция такой именно борьбы, традиция декабрьского вооруженного восстания, не является порою единственным серьезным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии не с помощью шаблонной, филистерской, мещанской морали, а путем обращения от насилия бесцельного, бессмысленного, распыленного к насилию целевому, массовому, связанному с широким движением и обострением непосредственно пролетарской борьбы?» [2, с. 49-50].

Сделаем выводы – уроки революции открывали прогноз и перспективу следующих годов. И Н.К. Крупская подчеркивает: «Предстоящие годы представлялись Ильичу как годы подготовки к новому наступлению. Нужно было использовать „передышку“ в революционной борьбе для дальнейшего углубления ее содержания».

Прежде всего надо было выработать линию борьбы в условиях реакции. Надо было обдумать, как, переведя партию на подпольное положение, в то же время удержать за ней возможность действовать легальными способами, сохранить возможность через посредство думской трибуны говорить с широкими массами рабочих и крестьян. Ильич видел, что у многих из большевиков, у так называемых отзовистов, есть стремление до чрезвычайности упростить дело: желая во что бы то ни стало сохранить формы борьбы, оказавшиеся целесообразными в момент наивысшего развития революции, они по существу дела отходили от борьбы в тяжелой обстановке реакции, от всех трудностей приспособления работы к новым условиям. Ильич расценивал отзовизм как ликвидаторство слева» [1, с. 147].

Вместе с тем надвигался раскол по философской линии. Надо было выбирать позицию. В «Воспоминаниях о Ленине» Н.К. Крупской отмечено: «Чувствовалось, что в большевистской фракции нет уже прежней сплоченности, что надвигается раскол, в первую голову раскол с А. А. Богдановым. В России вышли „Очерки по философии марксизма“ со статьями А. Богданова, Луначарского, Базарова, Суворова, Бермана, Юшкевича и Гельфанда. Эти „Очерки“ были попыткой ревизии материалистического мировоззрения, материалистического, марксистского понимания развития человечества, понимания классовой борьбы. Новая философия открывала двери всякой мистике. В годы реакции ревизионизм мог развернуться особо пышным цветом, упадочнические настроения среди интеллигенции помогали бы этому всячески. Тут размежевание было неизбежно. Ильич всегда интересовался вопросами философии, занимался ею много в ссылке, знал хорошо все высказывания в этой области К. Маркса, Ф. Энгельса, Плеханова, изучал Гегеля, Фейербаха, Канта. Еще в ссылке он яро спорил с товарищами, склонявшимися к Канту, следил за тем, что писалось по этому вопросу в „Neue Zeit“, и вообще по части философии был довольно серьезно подкован» [1, с. 148].

Мы видим далее важнейшее замечание о свертке позиций: «В письме к Горькому от 26 февраля (10 марта) Ильич изложил историю своих разногласий с Богдановым. Еще в ссылке Ильич читал книжку Богданова „Основные элементы исторического взгляда на природу“, но тогдашняя позиция Богданова была лишь переходом к позднейшим его философским взглядам. Позже, когда в 1903 г. Ильич работал с Плехановым, Плеханов не раз ругал ему Богданова за его философские высказывания. В 1904 г. вышла книжка Богданова „Эмпириомонизм“, и Ильич напрямик заявил Богданову, что он считает правильными взгляды Плеханова, а не его, Богданова» [1, с. 148].

Сам В.И. Ленин писал А.М. Горькому в письме: «С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов разъяснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим. Превосходно помню, что летом 1903 года мы с Плехановым от имени редакции «Зари» беседовали с делегатом от редакции «Очерков реалистического мировоззрения» в Женеве, причем согласились сотрудничать, я - по аграрному вопросу, Плеханов по философии против Маха» [4, с. 141-142].

Далее в письме поясняется позиция Плеханова относительно Богданова: «Выступление свое против Маха Плеханов ставил условием сотрудничества, — каковое условие делегат редакции "Очерков" вполне принимал. Плеханов смотрел тогда на Богданова как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника, ошибающегося постольку, поскольку он идет за Оствальдом и далее за Махом.

Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как беки, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III выпуск "Эмпириомонизма". Летом 1906 г. он мне презентовал ее и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда "объяснение в любви", письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, рядовой марксист в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал

я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: "Заметки рядового марксиста о философии", но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки. Теперь вышли "Очерки философии марксизма". Я прочел все статьи, кроме суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпириосимволист в болото» [4, с. 142-143].

И в письме в стиле жесткого противостояния идеализму сообщается: «Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедовать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), - учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский), - объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), - черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» - агностиков или метафизиков, черт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, - но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносят как философию марксизма!

Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей» [4, с. 143]. И в заключении письма 25 февраля 1908 г. говорится: «Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать, а Ал. Ал-чу - в процессе моего чтения «Очерков» - я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо» [4, с. 143].

Н.К. Крупская пишет, что именно «Так описывал дело Владимир Ильич Горькому. Уже ко времени выхода первого заграничного номера „Пролетария“ (13 февраля 1908 г.) отношения с Богдановым у Ильича испортились до крайности. Еще в конце марта Ильич считал, что можно и нужно отделить философские споры от политической группировки во фракции большевиков. Он считал, что философские споры внутри фракции покажут лучше всего, что нельзя ставить знак равенства между большевизмом и богдановской философией. Однако с каждым днем становилось яснее, что скоро большевистская фракция распадётся» [4, с. 149-150].

И итог: «Опять засел Ильич за философию». Эта фраза относится к периоду поездки на Капри к Горькому. И все это при том, что В.И. Ленин всегда понимал себя «рядовым марксистом» в философии. Но история поставила все на свои места. Ленин оказался не только политиком, но и философом. Причем, великим философом, вершиной мировой материалистической и диалектической традиции в философии.

Список источников

1. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. Изд. третье. М.: ИПЛ, 1989. – 494 с.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1968. т. 17. – 655 с.
3. Владимир Маяковский. Владимир Ильич Ленин. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/21248/vladimir-ilich-lenin?ysclid=lybp6v4e9y104676761>
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., М.: ИПЛ, 1970. т. 47. – 474 с.